

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

АЛЛАН МЕГИЛЛ

ГРАНИЦЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Сеть границ, покрывающая сегодня земной шар, прочерчена иначе, чем в прежние времена. Возникающие тут и там ссоры по поводу возведения или разрушения границ заставляют предположить, что границы повсеместно являются проблемой, требующей серьезного обсуждения. Большинство современных границ признаны всеми сторонами и не создают серьезной угрозы насилия, даже в тех случаях, когда они оспариваются. Например, США и Канада долгое время не могут договориться по поводу точной границы между ними в четырех пунктах. Не случайно все эти спорные пограничные территории являются морскими: в устье реки Диксон, в Проливе Хуан-де-Фука, в Заливе Штата Мэн и в Море Бофорта. Разграничения в первых трех случаях настолько неважны, что, возможно, они вообще не будут проведены, поскольку это потребовало бы много времени и усилий. Нефтяные запасы в Море Бофорта делают обсуждаемую границу более важной. Но даже если в этом случае решение состоится, оно наверняка будет закреплено международным судом¹.

Настоящая статья не затрагивает такие «простые» споры, а направлена на выявление части исторического фона ряда «сложных» пограничных споров. Под таковым я понимаю пограничный спор,

¹ Один из электронных ресурсов для определения современных пограничных споров — *CIA World Factbook* (<<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>> (доступ состоялся в апреле 2009 г.). Он содержит статистическую информацию по всем странам, признанным правительством Соединенных Штатов. Последняя категория в страничке каждой страны — «Международные проблемы» (Transnational issues), а она содержит подкатегорию «Международные споры» (Disputes — International), где перечисляются пограничные споры (если таковые имеются).

который а) продуцирует насилие или его серьезную угрозу и б) его чрезвычайно сложно разрешить. На ум приходит граница между Израилем и тем, что может или не может стать Палестинским государством². Другие пограничные споры также имели, имеют или могут иметь в будущем ту же степень сложности, которая свойственна современным израильским границам. Однако в этой статье я не касаюсь никакого в настоящее время «сложного» пограничного спора. Задача, скорее, состоит в том, чтобы для лучшего понимания таких споров вписать их в более широкую историческую перспективу.

Для понимания современного пограничного режима необходимо задуматься о до-современных границах. Поразительно, но строго определенные границы национального государства являются недавним изобретением. В Европе такие границы появились в течение нескольких последних столетий. Далее, вопрос характера границ всегда связан с другим вопросом: что эти границы соединяют или разделяют? Нельзя серьезно размышлять о границах современного мира, не принимая во внимание изменения в системе государств за последние два столетия, особенно разрушение мультикультурных империй и сопутствующее появление унитарных национальных государств — два события, глубоко затронувших историю XX века³.

История до Новейшего времени позволяет нам представить разнообразие пограничных режимов. Это реальное разнообразие заставляет разнообразить и саму терминологию границ и говорить не просто о *границе*, но о *границе-border*, *границе-boundary* и *границе-frontier*. Для разведения *border* с *boundary* и *frontier* я рассматриваю *border* как общий термин, относящийся ко всем маркерам простран-

² Как подчеркивает Адриана Кемп, границы Израйля были спорными с самого начала. — *Kemp Adriana*. From Politics of Location to Politics of Signification: The Construction of Political Territory in Israel's First Years // *Journal of Contemporary European Studies* 6: 12 (1998). P. 74-101.

³ По этим двум проблемам появляется все больше работ. В качестве двух отправных см.: *Burbank Jane, Cooper Frederick*. Empire, droits et citoyenneté, de 212 à 1946 // *Annales HSS*. Mai-Juin, 2008. No. 3. P. 485-531; и *Weitz Eric D*. From the Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // *American Historical Review*. 114: 5 (Dec. 2008). P. 1313-1343.

ственного разделения территории между политическим государством и тем, что находится за его пределами. Что касается *boundary* и *frontier*, они могут быть рассмотрены в квази-диалектической оппозиции друг другу. Под *boundary* я подразумеваю строго определенную линию, отделяющую одну часть территории от другой: представьте себе границы земельных участков, отделяющие одно владение от другого, издавна существующие во всех густонаселенных местах западного мира (и не только западного). Граница-*frontier*, в том смысле, в котором я употребляю здесь это понятие, является по своему характеру больше «зональной», чем «линейной». Когда присутствует граница-фронт, *точно* установить, где именно проходит граница государства, невозможно. Действительно, если мы рассматриваем как минимальное условие существования государства то, что он успешно осуществляет “innerhalb eines bestimmten Gebietes das Monopol legitimer physischer Gewaltbarkeit” (М. Вебер), во многих случаях фронтиров одно государство противопоставлено не другому государству, а территории, где монополия на применение силы, легальная или нелегальная, отсутствует⁴.

Проблеме границ-*frontier* посвящен большой массив литературы. Среди многочисленных авторов, внесших свой вклад в разработку этой темы, два историка оказали влияние далеко за пределами своих стран: американец Фредерик Джексон Тернер (1861–1932) и француз Люсьен Февр (1878–1956). В работе 1893 года «Значение фронтира в американской истории» Тернер предположил, что фронт был наиболее важным фактором в становлении американской государственности (фронт в американской истории — постоянно перемещавшаяся линия, отделявшая завоеванные земли от «диких» — *прим. пер.*)⁵. Тернер написал свое эссе тогда, когда после победы Севера в Гражданской войне Соединенных Штатов, заложившей основы для объединения Соединенных Штатов в единое национальное государство, сменилось одно поколение. Тернер рассматривал процветание Соединенных Штатов как *telos* (букв. «цель, конец» (греч.): завершение; искомый результат; достижение цели —

⁴ Weber Max. Politik als Beruf (1918/19).

⁵ Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Rereading Frederick Jackson Turner: “The Significance of the Frontier in American History” and Other Essays / Ed. John Mack Faragher. New York: Henry Holt, 1994. P. 31-60.

прим. пер.) продвижения фронта. Его так называемый «пограничный тезис», предлагая вниманию национальный нарратив, преуменьшающий роль Гражданской войны, равно как и других разделяющих факторов американского общества (расовых, классовых), работал на идеологические потребности национального американского государства, начинавшего тогда играть роль на мировой арене.

Дискуссия по проблемам границ во Франции возникла в результате франко-прусской войны (1870–71), когда только что созданная Германская Империя захватила Эльзас и северную Лотарингию, долго бывшие французской территорией. Хотя Февр, как ученый, сформировался через полтора поколения после этой войны, свою работу *La Terre et l'évolution humaine* («Земля и эволюция человека», 1922), большая часть которой посвящена проблеме границ, он написал на фоне неутраченной франко-немецкой вражды. Помимо этого, в 1928 г. он опубликовал глубокое эссе по проблеме границ *Frontière — le mot et la notion* («Фронт — слово и понятие»)⁶. Поразительно, что, сосредоточив свое внимание на проблеме границ в раннее Новое время и раньше, Февр уклонился от рассмотрения проблемы границ в современном мире. И хотя Фредерик Джексон Тернер писал о недавней границе, современную ему государственную систему он не исследовал. В конце концов, фронт Тернера был границей не между одним государством и другим, а между государством и тем, что Тернер считал «дикой территорией».

Проблемой границ занималось много других ученых. Современную дискуссию по проблемам границ можно приблизительно разбить на четыре (частично накладывающиеся друг на друга) вида исследований. Во-первых, проблеме границ посвящен на удивление обширный массив *научно-исторической литературы*, сосредоточенный преимущественно на исследовании границ до Нового времени⁷. Во-вторых, есть *критическая и рефлексивная литература*, рас-

⁶ *Febvre L. Frontière — le mot et la notion // Febvre L. Pour une histoire à part entière. Paris: SEVPEN, 1962. P. 11-24.*

⁷ *Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore: Johns Hopkins U. P., 1994; Whittaker C.R. Rome and Its Frontiers: The Dynamics of Empire. L.: Routledge, 2004; Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages / Ed. by Curta Florin. Turnhout, Belgium: Brepols, 2005; Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Ed. by David Abulafia*

смастривающая современные границы или границы в недавнем прошлом⁸. В-третьих, имеется *дескриптивная литература*, уделяющая внимание текущим проблемам, но не предлагающая конкретных рекомендаций⁹. Наконец, существует *формально-юридическая, прагматически-ориентированная литература*, сосредоточенная на том, «как» определять, разграничивать и обращаться с границами¹⁰.

В литературе о современном состоянии проблемы границ почти не было попыток серьезно проанализировать исторические предпосылки современного пограничного режима. Ближе всего к этой задаче подошел Февр в *La Terre et l'évolution humaine*. Но Февр сосредоточил внимание на том, как историки и географы ошибочно отождествляли современный пограничный режим с до-современным; он не осуществил обратного, не предпринял критическо-диалектического исследования современного пограничного режима в свете того, что он знал о до-современных границах. Он энергично критиковал тех историков и географов XIX — начала XX в., умы которых «будоражила» “l'idée toute politique d'une frontière linéaire, d'une ligne rigide de démarcation”¹¹. Он признавал, что “frontières nettement délimitées” иногда присутствуют в природе (напр., вокруг оазиса в пустыне), но добавлял, что оазис является “n'est nullement un corps politique”¹². Он отмечал, что при столкновении с соседями-кочевниками оседлые народы пробовали иногда установить пограничные барьеры, но эти барьеры были неопределенны и даже подвижны¹³. Наконец, он утверждал, что проблема границ является “le plus haut problème”, к которой должна обратиться историческая география¹⁴. Но дальше это-

and Nora Berend. Aldershot, Hampshire: Ashgate, 2002; и *Frontiers in the Middle Ages: Proceedings of the Third European Congress of Medieval Studies* / Ed. by O. Merisalo with the collaboration of P. Pahta. Jyväskylä, 10-14 June 2003. Louvain-la-neuve: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales, 2006.

⁸ См.: *European Journal of Social Theory* 9: 2 (2006).

⁹ См.: *Maritime Boundaries and Ocean Resources* / Ed. by Gerald H. Blake. Totowa, NJ: Barnes & Noble, 1987 и некоторые другие работы того же автора.

¹⁰ См. вебсайт и множество публикаций Международного центра по исследованию границ при университете в Дареме. — <http://www.dur.ac.uk/ibru>.

¹¹ *Febvre L. La Terre et l'évolution humaine*, 87.

¹² *Ibid.* P. 279.

¹³ *Ibid.* P. 328-29.

¹⁴ *Ibid.* P. 352.

го он все-таки не пошел. Возможно, он придавал слишком большое значение феномену национального государства (и «великой нации», в частности, Франции), чтобы критически подойти к пограничному режиму, который ограничивает наше видение вариативности границы и сводится к противопоставлению того, что находится по эту и по ту ее сторону, к разделению людей на граждан и не граждан.

Современную систему национальных государств иногда называют «Вестфальской системой», сложившейся после Вестфальского мира (1648), придерживающегося принципа *cuius regio, eius religio*. Это означало, что каждый правитель получил право определять, какой будет религия в пределах той территории, на которую распространялся его суверенитет. Тем не менее, наша современная система национальных государств очень сильно отличается от установленного в 1648 г. режима. В то время и еще в течение нескольких поколений понятия государства и лояльности еще рассматривались преимущественно в личностном и династическом ключе. Изменения действительно шли в направлении от «государства, основанного на личной лояльности» [*Personenverbandstaat*] к «территориально организованному государству» [*der institutionelle Flächenstaat*], но это были очень медленные изменения¹⁵. Еще в XVII в. путешественник, выезжающий из Парижа в восточном направлении, затруднился бы точно определить, когда именно он покинул Францию, поскольку ему предстояло двигаться через смешанную зону, в которой некоторые манориальные лорды находились в вассальной зависимости от короля в Париже, а другие — от императора в Вене. Пока понятие лояльности было личностным и династическим, понятие *территориальной* привязанности не имело практически никакого значения.

Основы современного пограничного режима заложила Французская Революция, а не Вестфальский мир. Существует соблазн сосредоточить внимание на начале Революции, принявшей в августе 1789 года «Декларацию прав человека и гражданина». В том, что современное национальное государство появилось в тигле Револю-

¹⁵ Терминология Теодора Майера; смотри его полезную, но политически ангажированную статью: Die Ausbildung der Grundlagen des modernen Deutschen Staates im hohen Mittelalter // Historische Zeitschrift. 159 (1938-39). S. 457-87.

ции, несомненно, есть смысл. Примечательнее всего третья статья Декларации, утверждающая единство и неделимость государственного суверенитета, заявляющая, что “le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la Nation” — а, стало быть, не в личности монарха¹⁶. Большинство статей отстаивают принципы либерального государства, подчеркивая верховенство прав, равенство перед законом, презумпцию невиновности, свободу слова и его выражения и контроль, осуществляемый гражданами или их представителями. Однако большая часть истории национального государства в XIX и XX вв. имела мало общего со свободой, как ее понимали авторы «Декларации»: в своем худшем варианте это была история серьезно оспариваемых границ, насильственных миграций и геноцида.

Предполагаю, что решающим для современного пограничного режима революционным моментом был не июль-август 1789 г., а август-сентябрь 1793 г. В январе 1793 года революционеры казнили Людовика XVI. К Австрии и Пруссии, уже находившимся в состоянии войны с Французской Республикой, присоединились Испания, Британия, Пьемонт и Объединенные Провинции Нидерландов. В последовавшем за этим кризисе Французский Национальный Конвент попал под контроль радикальных якобинцев, которые 23 августа 1793 г. издали декрет *levée en masse* (Декрет о массовом наборе в армию и революционной мобилизации всех граждан на защиту отечества — *прим. пер.*), направленный против внешних врагов Франции. Декрет постановлял “dès ce moment jusqu’à celui où les ennemis auront été chassés du territoire de la République, tous les Français sont en réquisition permanente pour le service des armées”, и далее определял, каким образом различные группы французского общества — старики и молодежь, женатые и одинокие, мужчины и женщины — должны служить французским армиям¹⁷.

Для нас важны два принципа, зафиксированные в этом декрете. Во-первых, декрет содержал в себе унитарную концепцию государ-

¹⁶ <http://www.textes.justice.gouv.fr/index.php?rubrique=10086&ssrubrique=10087&article=10116> (доступ состоялся в мае 2009).

¹⁷ Как отметил Алан Форрест, *levée en masse* был не столь далеко идущим, как «вспоминали» позже: Forrest A. L’armée de l’an II: la levée en masse et la création d’un mythe républicain // Annales historiques de la Révolution française. N 335 (<http://ahrf.revues.org/document1385.html>; доступ состоялся в мае 2009 г.).

ства: все французы должны были служить военным целям, и их преданность должна была выражаться по отношению к *Нации*, а не к чему-либо еще. Во-вторых, декрет способствовал появлению *территории* республики, с которой должны были быть вытеснены все враги. Таким образом, там появилось то, что Чарльз Майер назвал “*anti-adversarial*” (направленным против соперников — прим. пер.) типом границы, который существует там, где «организованные империи или государства противостоят друг другу как потенциально враждебные державы»¹⁸. Едва ли случайно, что революционная песня «Марсельеза», ранее известная как «Военный марш Рейнской армии», была написана в апреле 1792 года в Страсбурге, главном городе погранично неопределенного района Эльзаса, находившегося в тот момент под угрозой вторжения. Во время проходившего в августе 1793 года *levée en masse* эта песня стала неофициальным гимном революционного государства. Ее волнующие слова хорошо выражают понятие территории, находящейся под угрозой извне.

Майер определяет и три других типа границ: *proto-territorial* (прото-территориальная), *anti-incursive* (граница, защищающая от набегов и вторжений) и *tributary* (граница, определяющая территорию сбора дани). Но нашей теме соответствует только *adversarial* граница — граница с соперниками (я модифицирую здесь терминологию Майера, поскольку его *anti-adversarial* граница фактически является *adversarial* границей). Начиная с 1793 г. и особенно с франко-прусской войны, идея и реальность территориально определенного, национально унифицированного и бюрократически эффективно государства-нации становятся все более сильными и значительными. Заметим, однако, что *la Nation* 1789 года не следует понимать в националистическом смысле. Революционная «нация» не имела никакого отношения к национальной идентичности. Членство в *la Nation* было вопросом не национальной или языковой принадлежности, а преданности принципам Революции, и на этом основании французское гражданство предоставляли пруссаку и датчанину Анакасу Клотсу и англо-американцу Тому Пейну. Но особенно после 1871 г. и преимущественно в центральных, восточных и южных частях Европы национальная идентичность пересилила (политическую)

¹⁸ *Maier Charles S. Among Empires: American Ascendancy and Its Predecessors. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006. P. 100.*

лояльность. Это было колоссальным сдвигом в сознании, который в XX в. оказался тесно связанным с насильственными миграциями и, в конечном счете, с геноцидом¹⁹. Эти практики исключения, деления на своих и чужих, можно рассматривать как внутренний эквивалент военным действиям, направленным против внешних врагов национального государства. Эквивалентность внутренних и внешних врагов имела место уже в 1793 г., поскольку за *levée en masse* от 23 августа последовало создание 5 сентября Режима диктатуры.

Ограниченные рамки статьи не позволяют в полной мере развернуть значение исторического прошлого. Но основной момент очевиден: неправильно ограничивать наш анализ современных «сложных» пограничных споров рамками государства-нации, сложившегося после 1871 года, поскольку унитарное национальное государство является только одной из ограниченных форм политической экологии. Несмотря на то, что в 1793 г. «Нация» все еще определялась лояльностью к управляющим государством принципам (а именно революционным принципам 1789 года), позднее принадлежность к нации стала определяться в соответствии с идеологией политического национализма. Политические националисты настаивали, что каждая «национальная группа» (особенно та национальная группа, с которой идентифицировал себя националист) должна иметь собственное государство. Политические националисты также настаивали, как правило, на том, что в пределах границ этого государства должна преобладать высокая степень этно-лингвокультурной гомогенности. От миноритарных групп внутри государства все больше ожидался выбор: либо принять язык и идентичность национального большинства (где это было возможно), либо удалиться (или быть удаленными) с территории национального государства.

Выдающимся апологетом нового, унитарного типа государства был антисемитски и про-нацистски настроенный немецкий политический и юридический теоретик Карл Шмитт (1888–1985). В *Begriff des Politischen* (1932) он заявил, что различие между другом и врагом

¹⁹ См.: Weitz. From the Vienna to the Paris System (см. выше сн. 3); *Idem*. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation. Princeton, 2003; Mazower Mark. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. New York: Knopf, 2000.

(*Freund/Feind*) вообще является центральным в политике. С точки зрения Шмитта, “der Politische Gegensatz ist der intensivste und äußerste Gegensatz und jede konkrete Gegensätzlichkeit ist um so politischer, je mehr sie sich dem äußersten Punkte, der Freund-Feindgruppierung, nähert...”²⁰. Далее Шмитт настаивал на унитарности (*Einheit*) государства, существующего по принципу друг-враг. По мнению Шмитта, «es gibt nur eine politische Einheit, eine politische “Gemeinschaft”. Die reale Möglichkeit der Gruppierung von Freund und Feind genügt, um über das bloß Gesellschaftlich-Assoziative hinaus eine maßgebend Einheit zu schaffen, die etwas spezifisch anderes und gegenüber den übrigen Assoziationen etwas Entscheidendes ist»²¹.

Шмитт утверждал, что он говорит о «государстве» и «политическом» в общем и целом. Но политическая теория, схематично изложенная им в *Der Begriff des Politischen*, была тесно связана с политической действительностью, появившейся в 1793 г., когда казнь Людовика XVI привела к всеобщей войне между французской Республикой, с одной стороны, и европейскими монархами, с другой. Это была ситуация, в которой не существовало никакого промежуточного правила или высшего авторитета. Компромисс был невозможен, единственным выходом был радикальный конфликт.

Позднее, в *Der Nomos der Erde* (1950), Шмитт утверждал, что существенная перемена произошла в конце XIX в., как побочный продукт экспансии европейской власти далеко за пределы европейского континента. Он полагал, что преобладавшая до этого относительно организованная система баланса сил в Европе не была успешно преобразована в глобальное равновесие сил, и старое понятие *Jus publicum Europaeum* постепенно исчезло. Согласно Шмитту, существовавшее до этого распределение власти предполагало «систему» государств — сообщество, состоящее из монарших домов, государств и наций, и лишь в период 1890–1918 гг. на смену этому порядку пришел «хаос» полностью гетерогенных государств, каждое из которых объявляло себя равно суверенным²².

²⁰ Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. S. 30.

²¹ *Ibid.* S. 38-45 (45).

²² Schmitt C. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus publicum Europaeum*. Cologne: Greven, 1950. Часть IV, Глава 2.

Расизм и авторитаризм Шмитта делают его сомнительным политическим мыслителем, но иногда он бывал точным диагностом политической действительности современного мира²³. Здесь важны два момента. Первый состоит в том, что Шмитт выделил унитаристские, авторитарные тенденции в современных политических государствах и выступил их сторонником (не случайно он стал «наследным принцем» нацистской правовой теории, поставленной на службу государству, служащему *ein Reich, ein Volk, ein Führer*). Действие сходных авторитарных тенденций на практике сегодня можно увидеть во многих национальных государствах либо эпизодически (в якобы либеральных государствах, когда происходят систематические нарушения правовых норм), либо в виде перманентного принципа правления (в некоторых других государствах). Второй заключается в том, что независимо от степени исторической точности его оценки развития международного права в век европейской экспансии, утверждения Шмитта о замене старой «системы» государств «хаосом» описывают некоторые аспекты современного мира, хотя точным описанием мира *в целом* это назвать нельзя. Представления Шмитта — пример того, как в экстремальном варианте может выглядеть мир абсолютно независимых суверенных национальных государств, если они не находятся под контролем власти на более высоком уровне. В таком мире все национальные государства стремились бы быть абсолютно унифицированными, воспринимать соседей как враждебно настроенных соперников по ту сторону определенной с абсолютной точностью границы, и некоторые из этих границ в любой момент могли бы быть оспорены.

В более широком временном диапазоне, принимающем во внимание положение с границами и государствами в до-современный период, нам, вероятно, могут открыться пределы пограничных режимов и государств, основанных на модели унитарного, независимого и полностью суверенного национального государства. Безусловно, то новое, что появилось в модели более унифицированного национального государства, дало ему преимущество перед основной конкурирующей формой того времени — мультикультурной империей. Конечно, коллапс Австро-Венгерской монархии и Османской

²³ См. разъясняющее критическое исследование: *Scheuerman William E. Carl Schmitt: The End of Law*. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 1999.

империи, равно как и Царистской империи, произошедший в результате первой мировой войны, не был случайностью. В конце концов, унитарное национальное государство действительно преуспело в сосредоточении власти и в том, чтобы приспособить ее для больших и малых свершений. Бесспорно, многие из них работали на благо человека. При прочих равных условиях более эффективное государство имеет больше преимуществ для выживания, чем менее эффективное. Равным образом, есть выгода от точно определенных границ: если все стороны договорятся о местоположении и действии границы, конфликт относительно нее будет устранен. Ясность зачастую имеет преимущества перед неопределенностью.

Тем не менее, необходимо принять во внимание модели, альтернативные унитарному национальному государству. Одна из них — модель *культурно неоднородного национального государства*. В этом типе национального государства компромисс между различными этно-лингвокультурными группами, достигается в результате *modus vivendi* (временного соглашения) этих групп. В современном мире есть примеры довольно успешно функционирующих государств этого типа. Характерно то, что в публичной жизни культурно неоднородных национальных государствах могут использоваться два или более официально признанных языка. Примером такого государства может служить Швейцария, имеющая четыре официально признанных языка и главу государства в виде коллективного Федерального Совета с семью членами. Другой пример — Канада: британское завоевание в XVIII в. так и не ассимилировало ее католическое франкоговорящее население. Третий пример — Испания, в которой Каталония дошла до высокой степени автономии.

Вторая альтернативная модель — *мультикультурное государство* или — осмелюсь применить столь устаревшее понятие — *мультикультурная империя*. Одна мультикультурная империя сумела пережить первую мировую войну, а именно наследник Царистской империи — Советский Союз. Ясно, что обширная территория СССР, наличие на ней более 100 разных этносов и факт, что русскоязычное население составляет только 50% населения, лишили центр возможности насаждать русский язык и культуру по всей стране. В условиях отсутствия павших империй, возможно, примечательным современным примером мультикультурного государства

является Индия с ее населением более миллиарда человек, говорящих на огромном множестве языков и диалектов.

Третья модель — скорее не альтернатива национальному государству, а дополнение к нему — *конфедерация как наднациональное государство*. Самый примечательный пример в настоящее время — Европейский Союз. Модель конфедерации обеспечивает наличие более «высокой» структуры, которая изменяет отношения между соперничающими национальными государствами, равно как и между регионами и национальными государствами²⁴. Общий эффект должен заключаться в смягчении «проблемы границ» через превращение их в менее спорные. Например, сегодня опыт пересечения границы между Францией и Германией едва ли отличается от опыта пересечения границы между одним американским штатом и другим.

Особенно поражает несколько неожиданный эффект, который оказал факт наличия Европейского Союза на статус регионов и на фактические или потенциальные требования меньшинств внутри составляющих ЕС национальных государств. Есть два типа регионов: регионы в пределах национальных государств (1-й тип) и регионы, соединяющие национальные государств (2-й тип). Каталония является регионом первого типа, в то время как Дания, Норвегия и Швеция составляют регион второго типа. Наличие ЕС позволяет регионам в пределах национальных государств иметь «внешние сношения» и непосредственно с ЕС, и с другими регионами в пределах ЕС. Далее, обеспечивая многоуровневую структуру, которая одновременно служит и «апелляционной инстанцией» для меньшинств, и смягчает отношения между национальными государствами, которые в ее отсутствие были бы напряженными, создание Европейского Союза имело два последствия, которые необходимо здесь отметить. Первое состоит в том, что он способствовал повышению уровня региональной (1-й тип) автономии внутри учредивших его национальных государств; в то же время, во-вторых, он ослабил сепаратистские движения (с нашей точки зрения, сепаратистское движение — это движение, реально нацеленное на *пересмотр границы*). Таким образом, в Британии можно увидеть более высокий уровень автоно-

²⁴ В этом смысле «наднациональная конфедерация» является коррективом к тому, что, по утверждению Шмита, происходит в современном мире, а именно к исчезновению *Jus publicum Europeaeum*.

мии, предоставляемой Шотландии. В то же самое время сегодня ясно, что давнее требование ирландских католиков объединить Ирландскую Республику и Северную Ирландию — равносильное требованию уничтожить границу между севером и югом национального государства и создать новую национальную границу между Северной Ирландией и Объединенным Королевством — не стоит больше на повестке дня. Несомненно, есть много причин, по которым «Ольстерский кризис», долгое время царивший в Ирландии, кажется, подходит сегодня к концу, но решающим фактором в этой перемене является появление в рамках ЕС более широкой структуры для контактов, переговоров и компромиссов.

Точно определенные границы, признанные всеми заинтересованными сторонами, уменьшают неопределенность и таким образом облегчают управление обществом и жизнью людей в целом. И, наоборот, *изменение* границ национального государства чревато трудностями, за исключением тех случаев, когда главные заинтересованные стороны способны заранее прийти к взаимному согласию по данному вопросу. Идеальной ситуацией для изменения границы национального государства является взаимное согласие. В начале XX в. Швеция добровольно отказалась от своей норвежской территории, в результате чего 7 июня 1905 года возникло национальное государство Норвегия. Распад 1 января 1993 года Республики Чехословакия на Чешскую и Словацкую Республики произошел с одобрения большинства как чехов, так и словаков.

Когда такие соглашения не достигнуты, изменения границы национального государства крайне проблематично. Один из моментов, обозначенных Февром в *La Terre et l'évolution humaine* — условный, а не естественный характер границ. Что и говорить, есть случаи, когда природный рельеф местности может служить границей национального государства — самым очевидным примером являются острова. Но статус острова ни в коем случае не решает все проблемы. Тот факт, что Ирландия является островом, не предотвратил длительного конфликта по проблеме ирландской границы, точно так же как не предотвратил его в Шри-Ланке или на Кипре. Короче, наличие острова не является оправданием для опровержения утверждения Февра о конвенциональном, а не естественном характере границ.

В любом случае, главное оправдание, выдвигаемое в современном мире для создания или пересмотра границ национального государства, состоит не в том, что та или иная территория обладает «естественной» когерентностью, а скорее в том, что отдельные «люди» (т.е. конкретная этническая / лингвистическая / расовая или религиозная группа) имеет право на «собственную» нацию. Это требование не вызвало бы никаких экстраординарных трудностей, если бы не тот факт, что та же самая территория очень часто занята людьми, которые считают себя принадлежащими к разным — возможно, глубоко конфликтующим — группам. Люди, знакомые только с теми национальными государствами, в которых почти все говорят на общем языке и проводится единая политическая идеология, часто полагают, что это и есть «естественное» состояние человечества — когда люди, занимающие общую территорию, говорят на одном языке и имеют одинаковый набор политических убеждений. Но этот вид культурного единства — чаще всего *результат*, а не *предтеча* существования унитарного национального государства. Например, Франция стала приближаться к состоянию относительной лингвистической гомогенности только после 1871 г., когда французское государство стало использовать систему государственных начальных школ для повышения культурного уровня населения²⁵.

Таким образом, мы еще раз возвращаемся к настойчивому утверждению Февра о конвенциональном характере границ, поскольку, когда дело касается установления границ, видимо, нельзя руководствоваться ни географией, ни предположительно уже существующей «нацией». Конвенция — конечно, не что иное, как соглашение. В отношении изменения границы соглашение должно быть достигнуто по двум проблемам: а) должна ли создаваться (новая или пересмотренная) граница национального государства и б) где эта граница национального государства должна располагаться? Даже если можно прийти к согласию по поводу создающейся «коллективной идентичности», заслуживающей собственного государства, это не решает вторую проблему — проблему расположения границы. Как правило, горячие головы националистов и расчетливые политики затребуют максимальной территории, а в процессе ее отвоёвыва-

²⁵ Классическое исследование: *Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976.

ния всегда есть соблазн применить разного рода этнические чистки. Тем временем, их противники будут сопротивляться. Наличие этнической однородности облегчит проблему улаживания границы, но этническая однородность, достигнутая в результате изгнания, вызовет продолжительное возмущение. Наконец, существует серьезный вопрос: на каком основании группа людей может *в настоящее время* требовать для себя права установить *постоянную* границу? Всего несколько новых государств содержат в своих конституциях договоренность по поводу *еще одной* возможности изменения границы национального государства (например, решая двадцать лет спустя, что создание этой пограничной линии было ошибкой). Если новое государство не в состоянии учесть будущий пересмотр решения, то его создание должно быть расценено как недемократическое.

В начале статьи я указал на то, что сеть границ «всегда уже» прочерчена — людьми — на земном шаре. Хорошо, что это так. Перефразируя американского поэта Роберта Фроста, можно сказать, что «хорошие границы – это хорошие соседи». Происходит это благодаря тому, что хорошие границы — это ясное распределение ответственности и власти в пределах данной территории. Таким образом, мы знаем, что есть определенная территория, над которой имеют власть шведы, граждане одного суверенного национального государства, и есть другая территория, над которой властвуют норвежцы. Далее, хотя я не могу здесь развить этот аргумент, есть причина полагать, что без наличия границ (в американском варианте это границы административных округов, городов, избирательных округов, районов, штатов и национального государства в целом) было бы проблематичным, если не невозможным существование того, что мы называем политикой — поскольку она является деятельностью, которая зависит от института политического представительства, в свою очередь предполагающего наличие населения, которое и должно быть представлено в органах власти политиками²⁶.

Большая часть этих границ обладает статусом «фактов на местности», можно даже было бы считать их *квази-естественными*. Там,

²⁶ Тема репрезентации очень интересно осмыслена Фр. Анкерсмитом: *Ankersmit, Frank. Political Representation. Stanford: Stanford University Press, 2002.*

где границы существуют для удобства управления, вполне могут быть процедуры для их изменения, если люди сочтут лучшим их изменить. Но положение с границами национального государства иное. В условиях отсутствия соглашения между заинтересованными сторонами средства, при помощи которых можно изменить границы национального государства, обычно не определены, как и критерии для определения того, где должна располагаться измененная граница.

Вывод, таким образом, напрашивается сам собой: если нет широко распространенного согласия по поводу того, что изменение к лучшему, *границы национального государства не должны меняться*. Но это не означает, что *ничто* не должно меняться. По этому поводу могут быть сделаны два предположения. Первое состоит в том, что диалектической стороной в условиях неизменности границ национального государства является признание в его территориальных пределах культурной и политической автономии групп меньшинств в тех случаях, когда в ходе политического процесса становится ясным, что такая автономия — серьезное требование со стороны членов этой группы, и когда рассматриваемая группа обладает культурными ресурсами (например, языком и культурными институтами и практиками), позволяющими предположить, что она (как каталонцы в Испании или жители Квебека в Канаде) в состоянии творчески использовать эту автономию с пользой для себя и своих соседей. Второе заключается в том, что в отсутствие сегодня мультикультурных империй многое говорит в пользу модели наднациональной конфедерации. Если говорить абстрактно, благодаря таким конфедерациям мы не живем в мире, который представлялся Карлу Шмитту и «реалистической» тенденции в теории международных отношений в целом, а именно в мире остро враждующих, «реалистичных» национальных государств. (Как это ни странно, во многих современных контекстах «реалистический» взгляд на международные отношения не совсем соответствует действительности.) Если говорить конкретно, есть основания полагать, что такие конфедерации способны облегчить отношения между большинством и меньшинствами внутри национальных государств, проведение переговоров и достижение компромисса в спорах между национальными государствами и осуществление совместных проектов, находящихся вне компетенции действующих автономно национальных государств.